

Э ПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Гаспарян Диана Эди-ковна — кандидат философских наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
E-mail: anaid6@yandex.ru

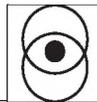
В области философской эпистемологии до сих пор не утихают дискуссии, связанные с определением объективной реальности, установлением истины и лжи. Одни философские контексты и теории склоняются к тому, что следует отказаться от представления о «реальности самой по себе» и говорить лишь об интерпретациях, в том числе взаимных. Другие настаивают на том, что отказаться от понятия объективной реальности невозможно. К этой проблеме философы и ученые подходят с самых разных сторон; например выясняют: возможен ли реализм в философии и науке, как правильно локализовать и описывать события, возможно ли всезнание, как объяснять мир в квантовой онтологии и. Одним из самых влиятельных контекстов, в которых эта проблема по-прежнему актуальна, является эпистемологический конструктивизм. При обсуждении этих тем философы нередко прибегают к определенным мыслительным экспериментам с участием такого важного концепта, который собирательно можно было бы назвать «глобальный наблюдатель». Он перекликается с такими понятиями, как Божественное видение, всезнающий интерпретатор, предельный наблюдатель (квантовая физика), субъект логического всезнания (теория игр), идеальный наблюдатель (этика и метаэтика), бог (аналитическая теология). Несмотря на обилие литературы и тщательность аргументов, в этих дискуссиях до сих пор сохраняется множество неясностей, по большей части связанных с большим количеством логических парадоксов, сопутствующих этой проблематике. С учетом данной ситуации проблемой настоящей статьи является выяснение логической и философской непротиворечивости понятия глобального наблюдателя. Разбор этой проблемы поможет внести некоторые уточнения в дискуссии по данной теме с точки зрения позиций эпистемического конструктивизма. Центральной проблемой настоящего исследования является экспертиза логической и философской непротиворечивости понятия «глобальный наблюдатель». Исследуется, почему многие контексты, пытающиеся работать с этим понятием, сталкиваются с трудностями и парадоксами.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемологический конструктивизм, глобальный наблюдатель, глобальное наблюдение, локальный наблюдатель, локальное наблюдение, истина, событие.

EPISTEMOLOGICAL CONSTRUCTIVISM AND THE PROBLEM OF GLOBAL OBSERVER

Gasparyan Diana — Ph.D. in philosophy, assistant professor at the department of philosophy, faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

Discussions related to the detection of objective reality, the truth and lie are still a heated topic in the domain of philosophical epistemology. While certain philosophical contexts and theories suggest that the notion “reality as an independent category” should not be engaged, instead, interpretations, including reciprocal, should be used, others hold it that philosophical discussion cannot continue without reference to the said notion. Different philosophers and scholars approach this problem from different angles. When discussing these topics, philosophers often resort to certain thought experiments, engaging an important concept, which can broadly be identified as “the global observer.” This concept has something in

common with such concepts as the God's Eye, Omniscient Interpreter, Ultimate Observer (quantum physics), Agent of logical omniscience (game theories), Ideal Observer (ethics and meta-ethics), God (analytic theology). Despite the abundance of works on the topic and scrupulousness of arguments, there still remain many uncertainties in such discussions, mostly related to a great number of logical paradoxes, associated with the problem. Therefore, in view of the current situation, the focus of the research paper is on the deliberation of consistency of the notion "global observer" from the standpoint of logic and philosophy. The results of the analysis of the issue at stake are expected to clarify the notion and to enrich current discussions on the topic. I examine certain difficulties in the philosophical assumptions concerning one of the philosophical concepts, which could be collectively named as the "global observer." The article below explores the notion of the global observer as the guarantor of the determinability and configuration of events in the world. There is explained the meaning of this concept and attempt to show that, despite variations in the wording, it is used in many philosophical contexts related to epistemology. The core issue of the present research paper is the analysis of the consistency of the notion "global observer" from the standpoint of logic and philosophy. The paper discusses why application of this notion in some contexts poses challenges and appears to be paradoxical.

Key words: epistemology, epistemological constructivism, global observer, global observation, local observer, local observation, event, the truth.

Введение

В области философской эпистемологии до сих пор не утихают дискуссии, связанные с определением объективной реальности, установлением истины и лжи. Одни философские контексты и теории склоняются к тому, что следует отказаться от представления о «реальности самой по себе» и говорить лишь об интерпретациях, в том числе взаимных. Другие настаивают на том, что отказаться от понятия объективной реальности невозможно. К этой проблеме философы и ученые подходят с самых разных сторон, например выясняют: возможен ли реализм в философии и науке, как правильно локализовывать и описывать события, возможно ли всезнание, как объяснять мир в квантовой онтологии и т.д. Одним из самых влиятельных современных контекстов, в которых эта проблема по-прежнему актуальна, является *эпистемический конструктивизм*. При обсуждении этих тем философы нередко прибегают к определенным мыслительным экспериментам с участием важного концепта, который собирательно можно было бы назвать *глобальный наблюдатель*. Он перекликается с такими понятиями, как божественное видение, всезнающий Интерпретатор, предельный наблюдатель, субъект логического всезнания, идеальный наблюдатель, бог. Несмотря на обилие литературы и тщательность аргументов, в этих дискуссиях сохраняется множество неясностей, по большей части связанных с большим количеством логических парадоксов. Проблемой настоящей статьи является выяснение логической и философской непротиворечивости понятия «глобальный наблюдатель». Исследуется, почему многие контексты, пытающиеся работать с этим понятием, сталкиваются с трудностями и парадоксами.

Понятие глобального наблюдателя (в англоязычной литературе распространены и два других термина — *ultimate* и *omniscient*) требует некоторого прояснения. Для начала нужно сказать, что это понятие не является искусственно сконструированным или вымышленным. Вместе с тем оно, безусловно, представляет собой некую абстракцию. И таким образом, правильнее всего было бы сказать, что это понятие обобщает те допущения и идеи, которыми иногда пользуется наше мышление. Например, когда оно создает какие-то интеллектуальные конструкции, будь то теории или аргументы. Это понятие является как бы функциональным, мы прибегаем к нему, когда мыслим какие-то ситуации. Другое дело, что часто мы пользуемся этим понятием скрыто. В этом смысле одной из задач настоящего исследования является попытка сделать данное понятие из скрытого явным, чтобы дать ему оценку.

Понятием агента, обладающего глобальным знанием, пользуется ряд философских и научных контекстов: божественное видение — *God's Eye* (Х. Патнэм) [Putnam, 1990: 3–29; Putnam, 2007: 69–77], всезнающий интерпретатор — *Omniscient Interpreter* (Д. Дэвидсон) [Davidson, 1969: 216–234; Davidson, 2001a; Davidson, 2001b], предельный наблюдатель — *Ultimate Observer* (квантовая физика) [Zeh, 2000; Zeh, 2003; Zeh, 2009; Lockwood, 1996: 159–188], субъект логического всезнания — *Agent of Logical Omniscience* (теория игр) [Grim, 1985; Grim, Plantinga, 1993; Stalnaker, 1991], идеальный наблюдатель — *Ideal Observer* (этика и метаэтика), бог (аналитическая теология) [Swinburne, 1993]. Все эти подходы так или иначе апеллируют (как утвердительно, так и критически) к некоему агенту, который аккумулирует максимальное, полное и универсальное знание. Обобщая, этого агента можно было бы назвать *глобальным наблюдателем*. Конечно, сложно говорить о совершенно едином и универсальном понятии глобального наблюдателя, которое использовалось бы во всех философских и научных контекстах. Поэтому в настоящем исследовании я попробую выделить лишь некоторые черты, достаточно важные при формировании этого концепта, и рассмотреть их наиболее пристально. Соответственно вначале я постараюсь внимательно проследить, как строится рассуждение, в котором появляется концепт глобального наблюдателя, а потом предложу определенную критику этого концепта.

Апеллируя к глобальности

Начнем с того что большинство людей согласится с тем, что независимо от того, известно ли нам некое реальное положение дел или неизвестно, оно существует. Эта одна из самых убедительных позна-

вательных интуиций, и обнаружить ее сомнительность не так легко. Например, если кому-то пришло бы в голову сосчитать поштучно число виноградин, собранных в провинции Шампань прошлым летом, мы скорее всего отговорили бы его от этой затеи. При этом мы руководствовались бы тем, что успех подобного предприятия *практически недостижим*. Но мы также хорошо понимали бы, что, хотя число виноградин может оказаться принципиально неопределенным для частного наблюдателя, оно абсолютно определено для глобального. Ясно, что в провинции Шампань в минувшем году, даже если мы этого не знаем, было собрано конкретное и конечное число виноградин — оно не сосчитано локальным наблюдателем, но оно «сосчитано» глобальным. Например, для демона Лапласа это должно было бы быть так в силу знания всех физических и математических параметров, которые могли привести лишь к определенному результату. Или, используя термин Дэвидсона, мы можем представить такого всезнающего интерпретатора (Omniscient Interpreter), который всегда сможет нам подсказать, кто это был [Nathaniel, 2003]. Точно так же мы можем не догадываться каково сейчас расположение звезд в определенной точке Вселенной, но убеждены, что эта констелляция вполне конкретна. За эту конкретность ответственно божественное видение (God's Eye), о котором критически высказывается, например, Х. Патнэм. Речь идет об инстанции, которой известно всякое знание и к которому каждый из нас может подключиться в процессе познавательной деятельности [Siderius, 2011]. Мы можем не знать, какая карта в колоде лежит третьей по счету сверху, но уверены, что это вполне определенная карта, и т.д. К примеру, в случае с понятием логического всезнания (Logical Omniscience) расположение всякого элемента во множестве определяется как фиксированное и всегда можно помыслить такого всезнающего субъекта, которому известна вся последовательность элементов во множестве [Stalnaker, 1991]. Так мыслится мир в целом: если некоторая часть его фактов (событий) не доопределена или не наблюдаема конечным наблюдателем, мы умозаключаем, что они вполне определены и конкретны независимо от пробелов локального наблюдения. При этом мы исходим из некоторого неявного допущения о протекании глобального наблюдения [Silcox, 2001]. Для мира в целом нет ничего неопределенного или неизвестного: он абсолютно прозрачен для самого себя. Довольно сложно допустить, что неопределенность (незнание) может быть распространена за границы локального наблюдения, в противном случае будет утрачен сам смысл определмости (знания). Если никому (в том числе глобальному наблюдателю) неизвестно, каково число виноградин в урожайном году, то бессмысленно говорить и о самом незнании. Осмысленно лишь то заключение о неопределенности (всегда локальной), которое апеллирует к некоторой глобальной определенности. Знать можно то,

что так или иначе известно, равно как определить можно лишь то, что уже определено. Это связано с тем, что, несмотря на разные «точки зрения», мы полагаем, что истина одна, а мир фиксирован и определен. Если бы мы уже не подразумевали такой ситуации, то, возможно, и не пытались бы привести разнородные данные к одной версии. Но чтобы это оказалось реализуемым, нужно допускать такую систему наблюдения, которая конфигурирует единственно правильное событие.

Подобная интуитивная вера, которой проникнуты все наши суждения о мире, обусловлена тем, что в представлении об истине заложена идея о субъекте-наблюдателе, который должен выступать неким трансцендентным гарантом (философским богом, глобальным наблюдателем, всезнающим субъектом). Глобальный наблюдатель — это некий мыслительный конструкт, который характеризует наше представление о мире. Речь в данном случае идет о некоей идее, которая лежит в основе определенных установок мышления в отношении существования мира. Несмотря на противоречивость этой идеи (о чем и пойдет речь ниже), она обладает определенной силой, определяющей некоторые установки мышления в отношении не только мира, но и логического понятия истинности. Это в свою очередь связано с тем, что приписывание истинности всегда привязано к некоему событию (или факту), о котором мы говорим как о корреляте утверждения, поскольку только утверждение может быть истинным или ложным. Понятие события (факта) влечет за собой представление об истинности или ложности, а представление об истинности или ложности немислимо без события. Под событием понимается в данном случае некое положение дел — что-то, что происходит или не происходит и чему соответствует некое утверждение, которое может быть либо истинным, либо ложным. Как кажется, именно в связи с этой конструкцией мышлению свойственно обращаться к интуиции глобального наблюдателя.

Ниже я попытаюсь показать, что вопреки свойственной этой интуиции убедительности она содержит внутреннее противоречие. Но для начала посмотрим, как эта интуиция образуется. В каком-то смысле ее трудно объявить лишней или искусственной, так как мышление активно прибегает к ней каждый раз, когда полагает, что некоторое положение дел сохранит себя и в том в случае, если локальное наблюдение не может состояться. Так происходит потому, что мы мыслим понятие истинности как сугубо *эпистемическое* — оно осмысленно в ситуации, когда мы говорим о *соответствии* знания некоему положению дел. Если *x* думает, что *y*, и действительно имеет место *y*, то мы считаем, что это утверждение истинно (если же это не так, то оно ложно). Соответствие же в свою очередь предполагает двух участников — объекта знания и агента знания. Именно фигура

агента знания становится на место глобального наблюдателя, когда мы говорим о такой истине, которую не в состоянии сами удостоверить. Понятие глобального наблюдателя символизирует, таким образом, агента знания, который делает осмысленным утверждение об истинности. В этом смысле это понятие могло бы быть заменено другим словом или термином, но не могло бы быть отменено на правах самой идеи.

Есть еще один формальный довод, благодаря которому вводится глобальный наблюдатель именно как некий субъект или агент. Можно было бы возражать против введения глобального наблюдателя как агента, апеллируя к тому, что достаточно одной лишь идеи глобального наблюдения — идеи, согласно которой, несмотря на отсутствие локальных наблюдений, мир остается неизменным. Строго говоря, сама идея глобального наблюдения содержит те же противоречия, что и идея глобального наблюдателя, и его введение для демонстрации противоречия несущественно. Однако сугубо логически разговор о глобальном наблюдении требует агента такого наблюдения, поскольку наблюдение без наблюдателя, равно как и знание без того, кто знает, бессмысленно.

Таким образом, важнейшим доводом в пользу введения глобального наблюдателя является событийная трактовка мира. Простейшим «элементом» мира является его состояние или событие (некое положение дел или отношение). Даже предельное упрощение мира (редукция к элементарному) не позволит обнаружить в основании мира нейтральные (лежащие вне определенного типа сборки) элементы, но лишь некоторое их конфигурирование. Чтобы обосновать этот тезис, можно показать, что при попытке выделения элемента из конфигурации, должна быть сформирована другая конфигурация, в которой элемент будет локализован, и в действительности элементы никогда не существуют за пределами конфигураций [Lombard, 1986]. Таким образом, самым базовым элементом мира будет некое состояние или событие, а у события в свою очередь должен быть формирующий его наблюдатель.

Наблюдение и эпистемологический конструктивизм

Такая трактовка наблюдения в основных своих чертах близка идеям эпистемологического конструктивизма. Конструктивизм в теории познания — это такой подход, в рамках которого считается, что человек (наблюдатель) в своих процессах восприятия и мышления не отражает окружающий мир, но активно творит, конструирует его [Poerksen, 2004a; Rockmore, 2005; Glasersfeld, 1990]. Наблюдение

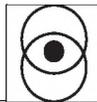

в этом случае понимается не как не пассивный, но как активный процесс. Реальность не находится вне наблюдателя и не является независимой от него; она создается в процессе взаимодействия (например, в процессе коммуникации — языковой, познавательной или социальной). Одновременно с этим возникает и сам наблюдатель. Важно, что здесь отсутствует предшествование как одного, так и другого. Бессмысленно говорить о реальности до начала наблюдения («Объективность есть заблуждение субъекта, считающего наблюдение отдельным от себя» [Poerksen, 2004a: 148]) и бессмысленно предполагать наблюдателя до встречи с реальностью [Foerster, Poerksen, 2002]. В некотором смысле наблюдение есть процесс, который формирует одновременно и поле наблюдателя и полюс наблюдаемого. Здесь ни один из участников не является ведущим, но они отсылают друг к другу, образуя креативный круг и претерпевая процесс коэволюции [Foerster, 1984; Segal, 1986]. Очевидно, что в своих философских основаниях эпистемологический конструктивизм программно противостоит философскому реализму. В свою очередь концепт глобального наблюдателя является тем краеугольным понятием, которое отчетливо демаркирует различие двух этих подходов. Ниже мы покажем, в чем оно состоит.

Если для констатации частного события необходима система наблюдения, то при отсутствии локального наблюдателя, требуется допустить глобального наблюдателя как гаранта *определенности* события. Локальная неопределенность (никто не считал число виноградин), превращенная в глобальную (это неизвестно в принципе), может обернуться настоящей эпистемологической катастрофой, поскольку мы не можем допустить фактологическую неопределенность мира. Следовательно, следует ввести абсолютно информированную инстанцию наблюдения, во-первых, гарантирующую определенность мира, а во-вторых, составляющую критерий локальной сверки известного с неизвестным [Martins, 2009].

Под истиной и понимается такое положение дел, которое может быть зарегистрировано глобальным наблюдателем. В этом смысле пределом процедуры установления истинности будет апелляция к вере (в существование глобального наблюдателя). Строго говоря, из того, что оно может быть зарегистрировано, еще не следует, что оно должно и будет зарегистрировано, но для поддержания идеи истинности, к которому мы часто обращаемся, достаточно одной лишь возможности: если некое положение дел может быть зарегистрировано глобальным наблюдателем, значит, оно есть, даже в случае отсутствия локального.

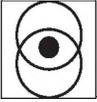
Если система глобального наблюдения напрямую связана с понятиями истины и факта, то отдельно нужно показать, почему событие требует причастности локального наблюдателя. С точки зрения опре-

деленных подходов, эта связь может показаться очевидной. Например, как говорит Хайнц фон Фёрстер: «После теории относительности Эйнштейна и принципа неопределенности Гейзенберга, мы сегодня полагаем трюизмом, что описание Вселенной подразумевает того, кто описывает ее» [Foerster, 1981: 258].

Но можно также попробовать привести определенные философские аргументы в пользу фундаментальной корреляции наблюдателя и события. Конфигурация события привязывается к наблюдателю посредством двух критериев: 1) *качественного* и 2) *количественного ограничений*.

Под *первым* (качественным) понимается требование наложения некоторой специальной концептуализации (способа восприятия) для того, чтобы событие состоялось. Например, свет от настольной лампы, стоящей на столе, есть результат определенного способа восприятия, которому может быть противопоставлен другой. Лежащие в основании света лампы пучки частиц и сгустки пятен можно сконфигурировать по-другому (скажем, не в лампу, а в некое *X*). С точки зрения нейрофизиологии на сетчатку глаза попадают только цветные пятна и ничего больше. Вместе с тем мы видим объемную картину, различаем границы объектов и фигур. В ходе восприятия глаз видит не произвольные очертания, случайно соединяемые в нечто целое, но строго определенные объекты, составленные так, как если бы мы уже знали, *что* должны увидеть. К примеру, известный психолог Ульрих Найссер показывал, что воспринимаемое поступает в мозг не в чистом, первозданном виде, «как оно есть там снаружи», а ложится на подготовленную схему («формат»). При этом сам существующий на данный момент формат задается всей суммой предыдущих актов восприятия [Neisser, 1976]. Однако то, что по-настоящему видит глаз, есть гигантское собрание точек, ансамбль визуальных «пикселей», составляющих в пределе содержание увиденного. Данный образ, впрочем, также является компромиссным, так как при этом ничто в перспективе созерцания не позволяет провести границы между «лампой», «столом, на котором стоит лампа», «картиной, висящей за лампой» и т.д. Ничто не мешает нам соединять «пиксели», лежащие на сетчатку глаза, другим способом и получать другие события. Соединяя линии объектов по-новому, мы могли бы основательно перекроить мир, и в нем встречались бы иные объекты. Например, соединив «край стола» со «спинкой кровати», можно получить такой объект *X*, который пока в нашей онтологии не встречался. Кроме того, восприятие наблюдателя не только структурирует реальность, но и достраивает ее до некой целостной полноты. Например, для того чтобы увидеть в некой фигуре или объекте дом, нам нужно применить процедуру *доистраивания* [Manning, 1995]. Если полагаться на один только чувственный опыт, то увидеть мы сможем немного, а главное нечто доволь-

но-таки бессмысленное, скажем, раму и пару деревянных пристроек. Увидеть в конкретном образе «дом» нас побуждает некая виртуальная способность *мысленно* обойти его кругом с тем, чтобы ухватить как нечто цельное. Связь события с наблюдателем по критерию качественного ограничения можно показать также посредством разности восприятий: допустим, из двух нарисованных линий одному наблюдателю первая кажется длиннее второй, а другому — короче. Поскольку сама по себе линия не может быть одновременно и короткой, и длинной, то мы относим ее состояние к особенностям локального восприятия [Neisser, 1976].

Разновидностью качественного ограничения при формировании события будет смысловое или ценностное конфигурирование. Идея этого принципа проста — при наложении разных смысловых или ценностных установок мы будем получать разные ряды событий или фактов. В свою очередь и сугубо физическая трактовка происходящего есть не более, чем тип конфигурации, — ее возможная претензия на окончательность также была бы не обоснована. Для физики макромира и микромира реальными окажутся разные конфигурации событий, равно как событие, описанное на языке молекулярных структур, будет отлично от события, описанного на языке ценностных установок. В этом смысле понятие «чистого (нейтрального) факта» является своего рода рабочей фикцией, так как факты всегда релевантны определенным системам наблюдения. Физика событий, однако, также привязана к типам наблюдения, как оценочные мнения к разным системам ценностей. Поэтому событие может быть сконфигурировано по-другому, даже если мы имеем в виду принципиально иной (в данном случае физический) уровень описания [Brueckner, 1999: 526–528].

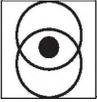
Таковы проявления качественного условия конфигурирования события. Самое важное здесь то, что при разных условиях восприятия данные могут быть сконфигурированы в разные события. Ключевым критерием этой разности будет привязка к локальному наблюдению.

Под *вторым* (количественным) условием понимается условие ограничения всего, *что воспринимается*, тем, *что выделяется* в качестве события. Например, описание события парковки автомобиля есть не все то, что происходило в определенный промежуток времени, а лишь ограниченная выборка действий, которая является количественным условием конфигурирования. В свою очередь задача полного описания самого простого объекта или действия может оказаться практически невыполнимой для конечного наблюдателя. Что касается глобального наблюдения, то в этом случае полное описание как раз может быть достигнуто, но в этом случае нейтрализованным окажется событие. Речь идет о том, что учет всей совокупности действий, производимых в определенный пространственно-временной промежуток, обессмысливает и сводит на нет усилия по формирова-

нию события. Строго говоря, описание действия с точки зрения континуальной непрерывности длящегося ряда микроактов не улавливает события, но лишь регистрирует материал, из которого событие формируется. Так, однопорядковый ряд микроактов, из которого можно было бы попытаться сложить событие парковки машины, будет неизбежно распадаться, не оставив возможности собрать его в событие. Если мы намерены учесть положение находящихся рядом (с местом парковки) прохожих, их внешний вид, тему разговора, равно как число цветов на газоне, перемещение кошки, гуляющей по газону, а также расположение предметов в соседних домах и проч. и проч. по необозримо длинному списку, то «событие» утратит свои контуры и будет рассредоточено. Например, при попытке описать момент парковки нам пришлось бы описывать, какой квадратный миллиметр колеса первым соприкоснулся с квадратным миллиметром асфальтного полотна, какой вторым, и т.д. Иными словами, для глобальности наблюдения нам следовало бы учесть все детали положения Вселенной в момент парковки автомобиля. Однако это означает, что никакой парковки уже не происходит, так как «парковка» есть не что иное, как отграничение всей совокупности прочих актов в пользу одной выделенной выборки. То же самое будет происходить при попытке описать события с точки зрения всех регистров и уровней (от атомарного до ценностного). Синхронизация и уравнивание в событийном статусе процессов, протекающих на разных уровнях (движение протонов при химической реакции в бензобаке в процессе парковки, ощущения тела водителя и его мыслительный ряд, их сопровождаемый), являются своего рода деконфигурированием события, так как захватывают все измерения реальности, в то время как событие есть лишь ее отдельно взятый фрагмент. Например, высказывание «он оделся и ушел», описывающее некую ситуацию, описывает только некоторую часть ситуации, оно вовсе не описывает *все*, что мы действительно видим (застегнул пальто на пять пуговиц, сделал три шага к двери, протянул руку и т.п.).

Количественное условие конфигурирования подразумевает также хронологическое ограничение события. Поскольку события представлены во времени, их временные рамки предполагают интерпретацию наблюдателя. Например, если речь идет об историческом событии, то проблема будет состоять в том, чтобы определить, где событие начинается и где заканчивается. Как, к примеру, следует устанавливать начало Французской революции? Это одно из самых ярких исторических событий, как кажется, имеет свои временные рубежи, а именно: День взятия Бастилии. Так историки условились определять начало Французской революции. Однако в данном случае исследователи руководствуются конвенциональным подходом; нужно условиться, какая дата будет символизировать начало данного события.

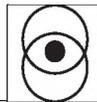

Вместе с тем мы понимаем, что какие-то причины, зрелище исподволь и приведшие к нему, имели место и раньше. Можно сказать, что событие «Французская революция» есть нечто эфемерное, если только не будут оговорены четкие смысловые и временные рамки, внутри которых оно может быть локализовано. Это в свою очередь оказывается возможным, когда мы выделяем одни ситуации (взятие Бастилии), жертвуя другими.

Событие, таким образом, будет образовано лишь при условии выборочной расстановки акцентов. Конфигурировать (или конструировать) событие — значит целенаправленно различать, выделять, отделять одно от другого, например существенное от несущественного. Здесь работает знаменитая схема Г. Бейтсона «различие порождает различие» [Bateson, 1987]. Таким образом, всякий опыт существует только как различие. В первую очередь это связано с тем, где и как будут проложены границы. Если границы не прокладываются, но в ряду равномогущих актов существенным оказывается все, то событие мы не получим. При этом за акцентуацию и выделение определенных действий ответствен локальный наблюдатель, чья избирательность диктуется непосредственно его локальностью. Он осуществляет количественную выборку действий, определяя фрагмент и уровень описательного ряда. Таковы проявления количественного условия конфигурирования события.

Для того чтобы *оба эти (количественное и качественное) условия* могли быть выполнены, наблюдателю требуются *определенные основания*. Именно они являются существенным свойством локального наблюдения. Чтобы событие было сформировано, нужно выделить одни данные и отвести в сторону другие; следует увидеть одно и не увидеть другое. Следует также иметь основания к наложению определенного каркаса ценностей или смыслов. Существование такого каркаса обеспечивает распределение интересов, приоритетов и предпочтений. При этом вся совокупность оснований приурочивается к ограниченному и относительному положению наблюдателя. «Иметь основания» означает удерживать в режиме наблюдения одни уровни и не принимать во внимание другие. Таким образом, можно говорить, что, если основания есть, наблюдение является локальным.

Здесь нужно также оговориться, что наблюдатель, наблюдаемый процесс и процесс наблюдения образуют неразложимое единство. Нет наблюдения без наблюдателя, но, конструируя событие, наблюдатель конструирует также самого себя. А, конструируя самого себя, создавая конструкты в своем восприятии, наблюдатель конструирует мир. Это — креативный цикл, который, как говорит Фёрстер, есть *gekümmtе Raum* — изогнутое пространство, в котором наблюдатель определяется в процессе определения события [Foerster, Poerksen, 1998]. Этот цикл воспроизводится: наблюдатель постоянно изобрета-

ет свою реальность, реализуя те основания, которые за это ответственны. Поскольку мир есть изобретение наблюдателя, то каждый из наблюдателей будет когнитивно одинок, ибо конфигурирует событие на основе собственных оснований [Foerster, Poerksen, 1998].

Трудности глобального наблюдения

Тогда можно попробовать показать, что понятие глобального наблюдателя заключает в себе некоторое противоречие. При внимательном анализе данное понятие оказывается некогерентным: «быть глобальным» и «быть наблюдателем» оказываются несовместимыми свойствами. Ближайшим следствием этой констатации окажется вывод о том, что абсолютных событий не существует в том смысле, что для глобального наблюдателя, как кажется, не происходит никаких событий. В указанной ситуации глобальному наблюдателю пришлось бы воздерживаться от суждения, но не в скептическом смысле, а скорее в плане того, что ему нечего сказать [Klein, 1982: 369–386].

В первом приближении сказанное можно обосновать следующим образом: всякая конфигурация события относительна (включает одно и исключает другое), в то время как глобальный наблюдатель должен продолжать быть наблюдателем (условие конфигурирования), но избегать относительности (условие глобальности). Противоречие, таким образом, будет состоять в следующем: глобальный наблюдатель, с одной стороны, должен конфигурировать событие, а с другой — сделать это он может только относительно, а не абсолютно.

Указанная трудность связана с тем, что у глобального наблюдателя, как кажется, нет оснований для того, чтобы предпочесть одно событие и отвергнуть другое — со-реализуемое. Основания даются посредством отделения существенного от несущественного, что продиктовано частными предпочтениями, особенностями перспективы видения, различиями точек зрения и т. д. Для локального наблюдателя это оказывается выполнимым благодаря погруженности в область явного и неявного. Событием в этом случае будет переход из одной области в другую. Однако в случае устранения этих различий, т. е. по сути тотализации области явного, основания для формирования события снимаются.

Из этого обстоятельства можно попытаться вывести два следствия. *Первое*, более радикальное, будет состоять в том, что глобальный наблюдатель вообще не может конфигурировать события, так как для этого ему потребовались бы основания, а они превратили бы его в локального наблюдателя. *Второе* — менее сильное, состоит в том, что, даже если глобальный наблюдатель может сформировать все возможные события, на стадии воспроизведения он не сможет отделить одно

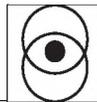
от другого или указать, какое из них имеет место на самом деле. Для этого второго случая дополнительным будет следующее предположение. Если все-таки допустить, что глобальный наблюдатель может наблюдать все события, то из этого еще не следует его способность *понимать* наблюдаемое (видимое). В той мере, в какой понимание означает логическую процедуру, а именно, *определения*, т.е. отграничения одного от другого, и *сведения* неизвестного к известному, оно окажется заблокированным для глобального наблюдателя в силу тотальности наблюдения (созерцания). В случае определения, т.е. прокладывания границ, отделения и отличия одного от другого, как это происходит в традиционной логической форме «это не есть то», понимание будет реализовано для локального, но не глобального наблюдателя. Это связано с тем, что при глобальном наблюдении ничто не может быть отграничено — вынесено в контекст или фон, а это стирает границы определимости. Но поскольку понято лишь то, что определено, то при снятии условий определения понимание не может быть достигнуто. Ситуация непонимания, впрочем, будет соответствовать статусу самого события, которое становится неопределенным.

То же самое происходит при невозможности перехода от неизвестного к известному, поскольку пониманием является акт узнавания того, что ранее было неизвестно. Для того чтобы понимание состоялось, следует уметь отличить ситуацию знания от ситуации незнания, в противном случае знание может быть, но понимание будет отсутствовать. При глобальном наблюдении переход от неизвестного к известному исключен, так как глобальное наблюдение не предполагает лакун незнания. Речь идет о разовой и полномасштабной предъявленности всей совокупности данных, не оставляющей места для совершающихся актов понимания.

Итак, поскольку понимание является существенной чертой субъектной основы наблюдения, приходится говорить о трудности совмещения качеств «быть глобальным» и «быть наблюдателем».

В связи с этим можно еще раз спросить: почему требуется связывать глобальное наблюдение с наблюдателем? Нельзя ли объявить глобальное наблюдение сугубо бессубъектным мероприятием? Ответ состоит в том, что это можно и в некотором смысле нужно сделать, однако проблематичность этого решения состоит в утрате событийной и, строго говоря, *определенной* конфигурированности мира. Если мир есть, то он должен быть определен (он должен быть *каким-то*) и должен состоять из событий. Однако определенность предполагает ограниченность и, следовательно, локальное конфигурирование. Нечто определенное имеет место в том случае, если не имеет места иное. Если же происходит все сразу, то, строго говоря, ничего не происходит.

Оправданность введения глобального наблюдателя, равно как и его неизбежную противоречивость, можно показать и совсем просто.

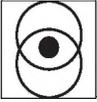

Фундаментальным элементом нашего мышления, с помощью которого мы строим представление о мире, является пара субъективное–объективное. Мы склонны считать, что есть субъективное видение (частное, ошибочное, неполное), а есть объективное, к которому и следует стремиться. Таким образом, мы склонны думать, что, если есть субъективный наблюдатель, то должен быть и объективный. Так, вся западная рациональность (в этом, например, состоят идеалы науки) стоит на том, что мы должны преодолеть в себе субъективных наблюдателей и стать объективными [Ward, 2006]. Образ идеального ученого, например, это образ такого объективного наблюдателя, который: 1) видит всё и 2) как на самом деле. Объективный наблюдатель и есть глобальный наблюдатель; это одно и то же. Но в отличие от формулировки «глобальный наблюдатель» формулировка «объективный наблюдатель» хороша тем, что когда мы подставляем на место «наблюдателя» субъекта (а наблюдатель и есть субъект, а субъект и есть наблюдатель), то мы уже ясно и отчетливо, фактически из самой формулировки видим очевидное противоречие конструкции *объективный субъект*. Объективный субъект представляет собой пример типичного оксюморона. Однако, как ни странно, именно эту противоречивую конструкцию часто закладывают в основу представления о мире.

Тогда можно заключить, что всякое *событие нереально* (так как без локального наблюдателя нет предмета или события, а есть только предположительное облако частиц, которое в свою очередь тоже должно быть конфигурацией), а *реальность бессобытийна* (без локального наблюдения она остается лишенной определенности). Мысля истинное положение дел, мы невольно допускаем существование того, кто наблюдает реальное событие, но если глобальный наблюдатель существует, то, как кажется, он ничего не может наблюдать. Число виноградин будет существовать только для локального наблюдателя, но не для глобального, так как если бы последний совершал поштучный счет, то стал бы локален. Получается, что если глобальный наблюдатель и существует, то он пребывает в мире, который Демокрит описывал с помощью своих знаменитых «атомов и пустоты», имея в виду принципиальную неструктурированность и неконфигурированность изначальной данности мира. «Атомы и пустота», впрочем, означают своего рода минимальную степень конфигурации мира и потому при должной последовательности «атомарность» может быть отброшена в пользу чистой пустоты.

Заключение

Классическая метафизика учит нас тому, что реальность должна быть не зависима от интерпретаций наблюдателя. Освободившись же

от них, она утрачивает какую-либо определенность; поэтому если она и существует, то является «никакой». В свою очередь событие нереально, так как обязано своим существованием фигуре наблюдателя. Как пишет Х. Фёрстер: «Мир как предмет нашего восприятия есть наше собственное изобретение» [Foerster, 1984]. За пределами всех накладываемых конфигураций реальность предстает неопределимой и внесобытийной, что могло бы означать попросту то, что в ней ничего не происходит. Вне локальных конфигураций мир дан самому себе как чистое ничто. Отсюда можно предположить, что, если бы мы когда-нибудь могли встать на место глобального наблюдателя и посмотреть на мир его глазами, возможно, мы поразились бы тому, что ничего не видим.

Подобная трактовка несколько расходится с традиционным представлением о глобальном наблюдателе, где он есть тот, кто в силу своей особенности удерживает в качестве равномогущих все возможные конфигурации. Здесь, впрочем, открывается ряд трудностей. Во-первых, как мы уже говорили выше, если два взаимоисключающих качества предписываются одному объекту, мы обязаны констатировать нейтральность объекта по отношению к этим качествам. Исключающие друг друга конфигурации не могут быть совмещены в единое положение дел. Во-вторых, несмотря на то что глобальный наблюдатель мыслится уникальным в силу своей способности удерживать все возможные конфигурации, качество уникальности не позволяет избежать парадоксов формирования самих конфигураций уже на первом шаге. Парадоксальность заключается в том, что сам глобальный наблюдатель не в состоянии образовать событие: для этого ему потребовалось бы стать на время локальным. Таким образом, уникальность глобального наблюдателя, если мы все-таки хотим избежать откровенных противоречий, состоит не в самостоятельной способности к множественному конфигурированию, но скорее в удержании многообразия прочих, не им сформированных, локальных наблюдений. Однако проблемы сохраняются и здесь. Поскольку глобальный наблюдатель вводится как инстанция удостоверения истинного положения дел, то мы ожидаем от него одной приоритетной констатации. Но если на вопрос «Что же произошло на самом деле?» он лишь предъявляет равномогущие конфигурации локальных наблюдателей, его глобальность приобретает избыточно нейтральный статус. В этом случае глобальный наблюдатель действительно наблюдает целый спектр событий, но абсолютно рядоположенных в силу неприсущности оснований. Однако в случае простого перечисления свидетельские показания глобального наблюдателя могут оказаться несколько бесполезными. Если же он готов сделать выбор в пользу одной версии, а не другой, ему придется перестать быть глобальным наблюдателем и превратиться в локального.

Мы также можем попытаться представить глобального наблюдателя в качестве нейтральной системы записи, фиксирующей все происходящее, к примеру, в виде сверхмощной камеры, укрепленной в укромном месте. Гипотетическая сверхмощность потребует такой камере для того, чтобы уметь фиксировать происходящее на всех уровнях: не только макрофизических, но и атомных, и субатомных. С одной стороны, такое предположение можно сразу отвести как неустраняющую проблему, поскольку для расшифровки записи нам понадобится некий наблюдатель-интерпретатор, чья интерпретация вернет нас на локальный уровень. Но можно попробовать сказать, что если установить наблюдение за наблюдением в виде исключительно сверхмощных камер, то глобальный уровень наблюдения будет поддерживаться перманентно. Но в этом случае возникнет еще более парадоксальная ситуация, так как посредством наблюдения одних камер за другими, которое по условиям задачи не должно прерываться вторжением локального интерпретатора, мы образуем бесконечный регресс наблюдений, который в силу своей парадоксальности ничего не даст [Foerster, 1981]. В случае произвольного разрыва наблюдения мы либо переместимся на локальный уровень, либо обратим всю цепочку в ненаблюдаемое, сделаем ее «слепой». Если же мы будем продолжать ряд до бесконечности, то так ни к чему и не придем, что попросту обесмыслит всю процедуру. Таким образом, представление о глобальном наблюдателе как финальной инстанции, суммирующей все промежуточные наблюдения, также представляет собой трудность [Luhmann, 1995]. Как пишет Луман, «под утверждением “Бог — мертв” подразумевают невозможность идентификации последнего наблюдателя» [Luhmann, 2000].

Но тогда свидетельские показания глобального наблюдателя окажутся лишенными искомого смысла. Апелляция к глобальному наблюдателю как гаранту истины, возможно, не даст ожидаемого представления об истинном положении дел.

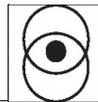
Между тем парадокс, от которого крайне сложно избавиться, будет состоять, вероятно, в том, что мы затрудняемся мыслить истину без глобального наблюдателя, но глобального наблюдателя мы также затрудняемся мыслить. В определенном смысле мыслить истину так, как мы привыкли, не получится, если только не ввести опыт *веры* в существование глобального наблюдателя.

Однако еще одним, возможно, более конструктивным выводом из сказанного и равно выходом из тупика могло бы служить следующее положение. Во избежание парадоксов имеет смысл говорить лишь о локальных наблюдениях, которые ограничиваются взаимными наблюдениями или самоописаниями [Foerster, 1981; Luhmann, 1990], и не предполагать существования некоей абсолютной Истины, Реальности или Положения дел за их пределами.

References

- Bateson, 1987 — *Bateson G.* Steps to an Ecology of Mind. New Jersey, London: Jason Aronson Inc. 1987.
- Brueckner, 1999 — *Philosophical Quarterly*, vol. 50, pp. 526–528.
- Davidson, 2001a — *Davidson D.* Coherence Theory of Truth and Knowledge. *Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective.* Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Davidson, 2001b — *Davidson D.* Epistemology Externalized. *Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective.* Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Davidson, 1969 — *Davidson D.* The Individuation of Events. *N. Rescher (ed.), Essays in Honor of Carl G. Hempel.* Dordrecht: Reidel, pp. 216–234.
- Foerster, Poerksen, 1998 — *Foerster von H., Poerksen A.* Wahrheit ist die Erfindung eines Lugners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg, 1998. S. 121.
- Foerster, 1981 — *Foerster H.von.* Observing Systems. Seaside: Intersystems. 1981.
- Foerster, 1984 — *Foerster H.von.* On Constructing a Reality. *The Invented Reality.* Paul Watzlawick (ed.). New York: Norton. pp. 41–63.
- Foerster, Poersken, 2002 — *Foerster H.v., Poersken B.* Understanding Systems. Conversations on Epistemology and Ethics. Heidelberg, New York: Carl-Auer-Systeme Verlag, Kluwer Academic Publication, Plenum Publishers. 2002. P. 148
- Frank, Richmond, 2009 — *Frank, Richmond.* The Ultimate Observer: Quantum Physics and God. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2009.
- Glaserfeld, 1990 — *Glaserfeld E. von.* An Exposition of Constructivism. Why Some Like it Radical. *Monographs of the Journal for Research in Mathematics Education.* R. B. Davis, C. A. Maher, N. Noddings (eds.), no. 4. Reston, VA: National Council of Teachers of Mathematics, 1990, pp. 19–29.
- Grim, 1985 — *Grim P.* Against Omniscience: The Case from Essential Indexicals. *Noûs*, 1985, vol. 19, pp. 151–180.
- Grim, Platinga, 1993 — *Grim P., Plantinga A.* Truth, Omniscience, and Cantorian Arguments. *Philosophical Studies*, 1993, vol. 71, pp. 267–306.
- Klein, 1986 — *Klein P.D.* Radical Interpretation and Global Skepticism. *Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson.* E. Lepore (ed.). Cambridge: Blackwell, pp. 369–386.
- Lockwood, 1996 — *Lockwood M.* Many Minds Interpretations of Quantum Mechanics. *The British Journal of the Philosophy of Science*, 1996, vol. 47, no. 2, pp. 159–188.
- Lombard, 1986 — *Lombard L.B.* Events: a Metaphysical Study. London: Routledge and Kegan Paul. 1986.
- Luhmann, 1990 — *Luhmann N.* Essays on Self-Reference. New York: Columbia University Press. 1990.
- Luhmann, 1995 — *Luhmann N.* The Paradox of Observing Systems. *Cultura Critique*, no. 31. *The Politics of Systems and Environments*, 1995, pp. 37–55.
- Manning, 1995 — *Manning R.N.* Interpreting Davidson's Omniscient Interpreter *Canadian Journal of Philosophy*, 1995, pp. 335–374.
- Martins, 2009 — *Martins A.C.R.* Theoretical Omniscience: Old Evidence or New Theory. Philsci preprint available at. — <http://philsci-archive.pitt.edu/archive/00002458>
- Nathaniel, 2003 — *Acta Analytica*, vol. 18, no. 1–2, pp. 143–160.
- Neisser, 1976 — *Neisser U.* Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology. San Francisco, 1976, p. 75.

Poerksen, 2004a — *Poerksen B.* The Certainty of Uncertainty: Dialogues Introducing Constructivism. London: Imprint Academic, 2004, p.3.

Poerksen, 2004b — *Poerksen B.* The Circular View of the World. *Poerksen B. The Certainty of Uncertainty: Dialogues Introducing Constructivism.* London: Imprint Academic, 2004.

Putnam, 1990 — *Putnam H.* Realism with a Human Face. *Realism with a Human Face.* Conant J. (ed.). Harvard University Press. Camb., Mass., pp. 3–29.

Putnam, 2007 — *Putnam H.* Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism. *Dialectica*, 2007, vol. 41, no.1–2, pp. 69–77.

Rockmore, 2005 — *Rockmore T.* On Constructivist Epistemology. New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2005.

Segal, 1986 — *Segal L.* The Dream of Reality Heinz von Foerster's Constructivism. New York: Norton, 1986.

Siderius, 2011– *Siderius E.* Donna Haraway and Hilary Putnam on God's Spectacles. available at:

Silcox, 2001 — *Dialogue*, 2001, vol. 46, no. 4, pp. 627–636.

Stalnaker, 1991 — *Stalnaker R.* The Problem of Logical Omniscience, I. *Synthese*, 1991, vol. 89, pp. 425–440.

Swinburne, 1993 — *Swinburne R.* *The Coherence of Theism.* Oxford: Clarendon Press, 1993.

Ward, 2006 — *Ward A.* Skepticism and Davidson's Omniscient Interpreter Argument. *Critica*, vol. 21, no.61, April.

Zeh, 2000 — *Zeh H.D.* The problem of conscious observation in Quantum Mechanical Description. *Epistemological Letters of the Ferdinand-Gonseth Association in Biel (Switzerland) Letter*, no 63.0.1981.

Zeh, 2003 — *Zeh H.D.* Chapter 2: Basic Concepts and their Interpretation. *Decoherence and the Appearance of a Classical World in Quantum Theory, second edition.* New York: Springer, 2003.